

М.А.Гареев

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В МИРЕ И ПУТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБОРОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

На рубеже XX–XXI веков мы вступили в один из самых сложных и противоречивых периодов мировой истории, характеризующийся крайней неопределенностью перспектив развития геополитической обстановки и ожиданием крупных перемен во всей системе мироустройства. От романтических идей нового политического мышления, ради которого мы пожертвовали союзным государством, всеми завоеваниями второй мировой войны, от надежд на равную и одинаковую безопасность не осталось и следа.

Весь остальной мир, как это и следовало ожидать, не пошел этим путем. В новой натовской стратегической концепции нет ни слова об «общечеловеческих интересах» или равной безопасности для всех стран. В «Стратегии национальной безопасности» США, как ведущей мировой державы, со всей определенностью сказано: «Наша стратегия национальной безопасности формируется, исходя из американских интересов и ценностей. США несут глобальную ответственность за защиту демократии в планетарном масштабе, имеют жизненно важные интересы во всех регионах мира». Теперь и новая стратегическая концепция НАТО ориентируется не на оборону, а на превентивные действия за пределами зоны ответственности НАТО. Главный упор в политике делается на военную силу.

Во всемирном масштабе предпринята попытка установить монополярный мир под лидерством США и группы ведущих западных стран.

Агрессия НАТО против Югославии стала знаковым историческим событием. Натовцы бесцеремонно игнорировали ООН и все международные правовые нормы. Полностью пересматриваются итоги второй мировой войны, а также хельсинские соглашения о незыблемости послевоенных границ. Все это во многом предопределяет развитие геополитической обстановки в мире.

На примере югославских событий видно также, что главной особенностью международного противоборства и войн XXI века будет еще более тесное переплетение социально-политических, экономических, информационных и военных факторов.

Войны были и остаются продолжением политики иными, а именно насильственными средствами.

Непосредственными их источниками могут быть экономические, религиозные, территориальные противоречия, гегемонизм, сепаратизм или национализм, но все эти причины и противоречия находят отражение и, в конечном счете, аккумулируются во внутренней и внешней политике государства. Поэтому, как показывает жизнь, война всегда в недрах политики и вне политики никакой войны не может быть. Применительно к нашему времени было бы точнее говорить, что войны не должны быть продолжением политики, политика не должна связывать себя с применением вооруженного насилия. Но, если это уже произошло, значит, политика не смогла или не захотела обойтись без нее. Политические цели часто маскируются, чтобы скрыть их подлинную суть.

Как вторая мировая война началась не из-за того, что поляки напали на германскую радиостанцию, как изображали фашисты, так и агрессия НАТО началась не потому, что их заботит судьба албанцев или сербов. Все значительно проще. В условиях, когда почти все страны Юго-Восточной Европы вошли или стремятся попасть в НАТО, Югославия не могла оставаться в располнении натовцев своего рода партизанским краем времен второй мировой войны. И в соответствии с натовской политикой рано или поздно ее надо было нейтрализовать. Больше того, агрессия против Югославии показала готовность НАТО к наступлению на суверенитет и интересы любой страны, в том числе и России. Югославия сегодня – это Мюнхен 1938 г. Но будущее зависит от того, будут ли все потакать гегемонизму, или ему будет оказано хоть какое-то противодействие. Политическая подоплека всего этого совершенно очевидна.

Правомерна ли иная трактовка войны в наше время? На исходе XX столетия мы оказались перед лицом ситуации, когда в ходе противоборства на международной арене без непосредственного применения вооруженной силы стали рушиться целые государства и коалиции государств – СССР, Варшавский Договор, Югославия, Чехословакия и другие. В конце 80-х – начале 90-х годов в большинстве случаев США, НАТО добивались своих политических целей по существу без непосредственного применения своих вооруженных сил против государств, прекративших свое существование. В книге Петера Швейцера «Победа» и других публикациях последнего времени убедительно показано как все это происходило.

Из всего этого делается вывод: значит, может быть война и без применения вооруженной силы, что война – это в первую очередь экономическая, дипломатическая, психологическая, информационная борьба, а роль вооруженной силы, вооруженной борьбы отодвигается на второй план. Во всяком случае, применение оружия является не единственным и первейшим признаком войны.

Дело иногда изображается так, будто экономическая или психологическая борьба появились только теперь. На протяжении всей истории человечества происходили социально-политическая, дипломатическая, экономическая, идеологическая, религиозная, психологическая и иные формы борьбы.

С тех пор как возросли масштабы войн, и они стали вестись не только вооруженными силами, и с привлечением всех экономических и других возможностей воюющих стран, считалось общепризнанным, что война сопровождается не только вооруженной, но и экономической, дипломатической, идеологической и другими формами борьбы.

Но все же основная суть специфики войны, главный ее признак – в применении вооруженного насилия. Война в подлинном ее смысле связана с военными действиями. Войны с применением одних лишь невоенных средств не может быть. Об этом говорится и в ст. 18 Закона «Об обороне РФ». Началом и окончанием войны считается начало и прекращение военных действий.

Во время войны при решающей роли вооруженной борьбы продолжают существовать и все другие формы борьбы, но они приобретают совсем иной, более ожесточенный и разрушительный характер.

В отличие от различных форм противоборства мирного времени, во время войны вводится военное положение, и вся страна живет по иным законам и международно-правовым нормам.

Вместе с тем, было бы ошибочным не замечать, что в последние десятилетия существенно изменилось соотношение политико-дипломатических, экономических, информационных и военных средств осуществления политических целей. Значение и удельный вес невоенных средств значительно возросли. Политико-дипломатические, экономические, информационные формы борьбы приобрели более целеустремленный и скоординированный характер, увеличились их масштабы. Главной их целью является дестабилизация обстановки в других странах вплоть до инспирирования внутренних волнений, массовых выступлений и восстаний, массовых террористических актов. Это мы видим на примерах Албании, Югославии, Таджикистана, Чечни и в целом Кавказа.

Наиболее острый характер приобретает информационное противоборство, которое пронизывает изнутри все формы борьбы, начиная с дипломатической, экономической и кончая вооруженной борьбой, и вместе с тем имеет относительно самостоятельный характер. Оно имеет целью деморализовать войска, население и парализовать волю другой стороны. Информационная борьба подготавливает и сопровождает политико-дипломатические акции и военные действия. Информация и информационные технологии становятся все более действенным оружием. Наиболее остро это мы ощутили в Чечне. Как можно успешно вести информационную борьбу, если во время чеченских событий

значительная часть СМИ выступала на стороне сепаратистов. В связи с этим возникает необходимость ускорения разработки и принятия Закона об информационной безопасности. А в районах вооруженных конфликтов правительство должно вводить чрезвычайное положение и устанавливать соответствующие рамки деятельности для СМИ, как это было сделано американцами во время войны в Персидском заливе и во время агрессии в Югославии.

В свете всего сказанного некоторые политические и военные деятели, политологи и военные ученые резонно ставят вопрос, что же представляют собой по своей сущности все эти новые формы борьбы. Если это, как уже говорилось, не война, то что же такое?

Со всей определенностью можно сказать, что возникает феномен нового явления в области политического противоборства, возможность достижения политических целей, политического, экономического и духовного «покорения» народов и стран, навязывания им угодных для ведущих держав моделей развития без применения военной силы – путем ведения целенаправленной дипломатической, экономической, информационной, идеологической, психологической и иных форм борьбы.

Иногда говорят: пока есть ядерное оружие, безопасность России гарантирована. Но у СССР было ядерное оружие, ядерное оружие осталось, а прежнего государства нет.

С учетом всего, это меняет характер угроз для России, возникают новые задачи по обеспечению национальной безопасности и новые формы борьбы по противодействию этим угрозам. Однако они до сих пор не нашли должного отражения ни в «Законо о безопасности», ни в «Законо об обороне», ни в действующей военной доктрине России, ни в практической деятельности государственных органов.

Исходя из изложенного, напрашиваются следующие основные выводы. Во-первых, при уточнении «Закона об обороне» и в новом варианте российской военной доктрины необходимо отдельно выделить угрозы, вытекающие из долгосрочной политики определенных международных сил и держав, направленной на лишение России независимости, ущемление ее экономических и других интересов, подрыв ее изнутри и изоляцию, территориальные претензии к ней, подогревание и поддержка извне сепаратизма, терроризма, внутренних конфликтных ситуаций, попытки использовать их для вмешательства во внутренние дела России, подавление прав, свобод и законных интересов граждан Российской Федерации и соотечественников в зарубежных странах и другие акции, ущемляющие национальные интересы России.

Во-вторых, важное значение для уменьшения угроз и конфронтации имеет определенная умеренность в определении и отстаивании национальных интересов. Жестко отстаивать следует только действительно жизненно важные из них. Национальные

интересы не должны принижаться, иначе ограничиваются возможности экономического развития. Вместе с тем опыт 30-х и послевоенных лет показал, что излишний максимализм и нереальность провозглашенных национальных целей и интересов, стремление жестко и любой ценой осуществить их порождали конфронтационную внешнюю политику и соответствовавшую ей военную доктрину, приводя к подрыву экономики и полному крушению ложно понятых национальных целей.

В сложившихся современных условиях для России особенно важно определить свой реалистичный долгосрочный внешнеполитический курс, вытекающий из национальных интересов России, и твердо, последовательно взаимодействовать со всеми, кто хочет с нами сотрудничать на равных условиях.

Новые формы противоборства оказывают влияние на вооруженную борьбу.

С одной стороны, более мощные и эффективные средства вооруженной борьбы вызывают возможность постановки самых решительных политических и стратегических целей. С другой стороны, опасность применения ядерного оружия да и новых высокоточных обычных видов оружия ставит определенные пределы для политических и военно-стратегических устремлений. Поэтому, когда совсем нельзя обойтись без применения вооруженного насилия, вместо крупномасштабной агрессии практикуется инспирирование и развязывание локальных войн и конфликтов. Причем американская теория, рассматривающая войну как разновидность конфликта, не выдерживает жизненной проверки. Война и вооруженный конфликт – это далеко не одно и то же и не только по размаху вооруженной борьбы, но и по военно-политической сути, характеру участия в них государств и народов. Например, были бои между советскими и японскими войсками в районе озера Хасан в 1938 г., довольно крупные сражения на Халхин-Голе в 1939 г., но СССР и Япония не находились в состоянии войны друг с другом. Были боевые столкновения между советскими и китайскими подразделениями в районе острова Даманский, но войны между Советским Союзом и Китаем не было. В 1994–1996 гг. шла война в Чечне, но в стране не вводилось ни чрезвычайного, ни военного положения.

Отсутствие военного положения ограничивает применение боевых средств, приходится вести военные действия, исходя из законов и нормативов не военного, а мирного времени. Война, в отличие от вооруженного конфликта, это продолжение политики с неограниченным применением вооруженного насилия, с участием всего государства, с переводом его на военное положение.

В целом в современных условиях от Вооруженных Сил России требуется первоочередная готовность к выполнению боевых задач в локальных войнах, конфликтах и мобилизационная го-

товность к крупномасштабной региональной войне. Причем готовность к локальным войнам становится первоочередной задачей не только потому, что увеличение масштабов войны повышает опасность применения ядерного оружия. США и НАТО в последнее время выработали ряд политико-дипломатических, экономических, информационных и силовых приемов и действий, которые позволяют жестко контролировать рамки конфликта, чтобы не допустить их расширения за пределы локальной войны. Мобилизуются все международные круги и силы внутри соответствующих стран, осуществляется такое политическое и финансово-экономическое давление, чтобы никто не осмелился поддержать жертву агрессии, чтобы она была в изоляции. Поразительно, например, сколько в Болгарии было шума вокруг независимости и суверенитета страны. Но в случае, когда натовские бомбы упали на болгарскую территорию, правительство не заявило даже внятного протеста.

Многое меняется в военной науке и военном искусстве. Различные виды войн, если до них дойдет дело, будут происходить во многом не так, как это было в прошлом. Прежде всего военные действия НАТО против Югославии изменили во всем мире отношение к ядерному оружию, что может привести к полному крушению системы нераспространения этого оружия.

Многим странам, где существуют межэтнические проблемы, особенно таким, как Китай, Индия, Пакистан, Бразилия, Иран, Индонезия, стало ясно, что при складывающемся международном порядке с любой из них могут расправиться. И без ядерного оружия отстоять свою независимость невозможно. Не только в Белоруссии, но и на Украине уже поднимается вопрос о возвращении к ядерному статусу, и тем более для современной, ослабленной во всех отношениях России роль ядерного компонента в оборонной мощи значительно повышается.

Оно становится важнейшим, наиболее надежным средством обеспечения оборонной безопасности. Вместе с тем совершенно очевидно, что из-за катастрофических последствий массированное применение ядерного оружия невозможно. Поэтому оно остается средством стратегического сдерживания.

С учетом нового характера вооруженной борьбы в последние годы в ряде стран главный упор в военном строительстве делается на качественное совершенствование обычных вооружений. Речь в первую очередь идет о высокоточном оружии, о повышении боевой мощи и мобильности войск (сил), подготовке вооруженных сил к ведению военных действий в основном с применением обычных средств, но с учетом постоянной угрозы применения ядерного оружия.

Изменяется система стратегических действий ВС и других войск. В зависимости от характера войн (конфликтов) основными

формами применения вооруженных сил и их стратегических действий могут быть:

а) стратегическое сдерживание, которое осуществляется в мирное время всем комплексом сил и средств, как обычными, так и ядерными; поддержанием ВС в необходимой степени боеспособности, боевой и мобилизационной готовности: разведывательной, контрразведывательной деятельностью; оказанием помощи МВД, ФПС, МЧС в нейтрализации внутренних конфликтов, в выполнении задач в чрезвычайных ситуациях, охране и обороне государственной границы;

б) стратегическое развертывание – частичное для локальных войн и полное – для крупномасштабной войны;

в) применение вооруженных сил в вооруженных конфликтах и локальных войнах. Этот раздел в системе стратегических действий целесообразно выделить потому, что характер операций и военных действий в локальных войнах будет иметь существенные отличия;

г) применение вооруженных сил в крупномасштабной региональной войне, может осуществляться путем проведения: 1) стратегической воздушно-космической операции; 2) стратегической операции на Театре Военных Действий; 3) стратегических действий ВМФ; 4) стратегической операции ядерных сил.

Органы управления, войска и силы флотов надо учить и готовить ко всем этим действиям, в том числе и в крупномасштабной войне.

Влияние невоенных форм на характер вооруженной борьбы заставляет по-новому взглянуть на соотношение прямых и непрямых действий в стратегии. Непрямые действия, связаны с политическим, экономическим и морально-психологическим воздействием на противника, со способами, где дезинформация и подрыв изнутри всегда играли большую роль. Но в условиях господства идей тотальной войны прямые действия и кровопролитные сражения нередко превращались в самоцель, отодвигая на второй план все другие способы действий. В современных условиях, когда ядерное оружие оказывает сдерживающее влияние на стратегические цели, роль упомянутых выше непрямых действий значительно возрастает. Другими словами, речь идет о большей гибкости военного искусства и более полном использовании всего разнообразия средств и способов действий.

Для миролюбивого государства непрямые действия могут выражаться, прежде всего, в политических усилиях по предотвращению войн и военных конфликтов. Кроме политических мер, важное значение могут иметь широко применяемые в последнее время экономические санкции, морская, воздушная и наземная блокада путей сообщения, демонстрация силы, выделение миротворческих сил для разъединения конфликтующих сторон и другие способы действий.

Очень серьезной проблемой, требующей основательной научной разработки является демонстрация военной силы, которая должна быть тесно увязана с политико-дипломатическими акциями. Как известно, даже перемещение одного батальона из Боснии в Косово вызывает большой международный резонанс. Кроме того, надо считаться с тем, что ту или иную демонстрацию противоположная сторона может воспринять как подлинные действия, предприняв упреждающие военные действия. Следовательно, идя на демонстрацию силы, надлежит иметь основные группировки войск в готовности к выполнению поставленных оперативно-стратегических задач.

Активным военным действиям сухопутных войск могут предшествовать массированные удары авиации и военно-морских сил с целью нанести огневое поражение и сломить волю противника к сопротивлению. После или в процессе нанесения огневых ударов противнику может быть предъявлен ультиматум о сдаче или предложены определенные компромиссные условия разрешения конфликта. Основные группировки сухопутных войск, которые обычно несут наибольшие потери, целесообразно вводить только после того, как основные огневые средства и важнейшие объекты противника будут надежно подавлены или уничтожены, с тем, чтобы максимально ограничить потери в людях и технике.

Тем не менее, даже при самом искусном применении различных способов не прямых действий не всегда удастся одолеть противника. Тогда, возможно, придется подкорректировать и ограничить политические и стратегические цели, а если и это не дает положительных результатов, то могут быть предприняты и прямые действия.

Особое место в системе не прямых действий будут занимать специальные методы ведения войны, начиная с психологических операций, подрывных действий и кончая операциями сил специального назначения. А вся вооруженная борьба будет пронизана разветвленным информационным противоборством.

При этом желательно различать специальные операции, проводимые политико-дипломатическими, экономическими и другими средствами на высшем государственном уровне, как это делали, например, США в 80-е годы в борьбе против СССР, и специальные операции, осуществляемые в рамках вооруженной борьбы военным командованием.

Основные задачи по разгрому противника будут решаться не в ходе столкновения передовых частей, а путем огневого поражения издалека. В ходе войны в Югославии НАТО шло на применение так называемых неконтактных воздушных операций, когда удары наносятся, не заходя в зону поражения ПВО. Все бои и сражения приобретут рассредоточенный, объемный характер, охватывая все сферы военных действий по фронту,

глубине и высоте. В целом операции и боевые действия будут развиваться стремительно, без наличия сплошных фронтов или лишь при временной их стабилизации, носить высокоманевренный характер.

Операции будущего, конечно, не будут ограничиваться воздушно-космическими операциями. Сохранят свое значение, особенно для России, и сухопутные войска, которые во взаимодействии с ВВС и ВМФ будут проводить как наступательные, так и оборонительные операции.

Быстрое развитие передовых технологий еще более увеличит военно-технический разрыв между ведущими государствами и другими странами.

Несмотря на то, что в действиях натовцев против Югославии было немало огрехов, когда они вместо военных объектов бомбили гражданские, и даже попадали вместо Сербии по Македонии или Болгарии, в целом, с точки зрения военно-технологической, результаты их действий достаточно впечатляющи. При минимальных потерях и с большой эффективностью они поразили большинство запланированных объектов, а применяемые самолеты и ракеты оказались неуязвимыми для авиации и средств ПВО старого поколения.

Американская и другие натовские армии показали огромное превосходство в средствах разведки, связи, РЭБ, навигации и наведения, автоматизации и в других средствах управления, информационной борьбы и в целом в высокоточном оружии.

Как это ни печально, но приходится признать, что в результате упадка оборонной промышленности, российской армии, придется сражаться, если нам навяжут войну, оружием, качественно уступающим противнику по ряду параметров, особенно в средствах связи, разведки, РЭБ, высокоточном оружии. Этого не было ни в Великой Отечественной войне, ни в послевоенные годы. Некоторые военные теоретики подавляющее технологическое превосходство одной из сторон считают характерной чертой будущих войн.

Представляется, что фатальной неизбежности в дальнейшем развитии такой тенденции нет и ей еще можно противостоять. В связи с этим требуется: с одной стороны, добиваться должного внимания государства к оборонной промышленности с решительной концентрацией усилий в ее самых современных секторах, как это было сделано в 40-е годы при создании ракетно-ядерного оружия. С другой, продолжать изыскивать военно-технические, стратегические и оперативно-тактические средства и способы противодействия новейшим технологиям других армий, способы нейтрализации их преимуществ. Надо по достоинству оценивать, но излишне не абсолютизировать и не фетишизировать новые технологии и высокоточное оружие.

Не следует действовать на условиях, которые диктует противник, а навязывать ему способы действий, которые затрудняют реализацию его технологических преимуществ. Например, натовцы в политико-дипломатическом, информационном отношении так обставили свои действия, что их противники Ирак, Югославия даже не воевали по-настоящему. В 1991 г. Ирак безучастно наблюдал, как в Саудовской Аравии месяцами сосредоточивалась группировка авиации и войска, ничего не делая, чтобы упреждающим ударом сорвать нападение.

Югославия не осмелилась пойти хотя бы на диверсионные действия против средств НАТО. На территории Албании или Македонии, откуда обстреливались югославские объекты. Если уж война навязана, то действовать надо решительно и активно, используя все имеющиеся силы и средства.

Противник стремится вести так называемую «неконтактную войну», уничтожая объекты издалека, не заходя в зоны поражения средств ПВО. Но его можно лишить такой возможности, если перейти самим в наступление, высадить в тылу противника десанты, захватить или обстреливать аэродромы. Уместно напомнить, как наша авиация в 1941 г. несмотря на огромные потери, ухитрилась наносить удары по Берлину.

Желательно также не противопоставлять одни виды оружия другим. Никто не возражает, что будущее за высокоточным оружием. Но пока его нет или недостаточно, нам придется полагаться на то оружие, которое у нас есть, и учить войска умело сочетать все виды оружия.

В заключение представляется необходимым подчеркнуть, что военные и невоенные формы борьбы – это элементы общего политического противоборства. И ни один из них, в том числе и сама политика, нельзя превращать в самоцель.

Политика и дипломатия должны ставить реальные военные задачи, создавать благоприятные военно-политические и экономические условия для применения ВС. Военная стратегия должна учитывать экономические и другие возможности государства. Но надо считаться и с тем, что оборонные задачи объективно вытекают из сложившейся геостратегической обстановки и абстрагироваться от них невозможно. Если речь будет идти о жизни и смерти страны, как всегда, все будет подчинено интересам обороны, исходя из древнего изречения: оборона страны стоит столько, во сколько нация ее оценивает. Вооруженные Силы при любых обстоятельствах должны быть готовы выполнить свои задачи по защите Отечества.